УДК 821.161.1

DOI 10.25587/2222-5404-2024-21-2-137-143

Иван и Марья Шатовы в романе «Бесы» Достоевского: идеология VS гендерология

Н. А. Макаричева

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

✉ 812nataly@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы исследования связана с современным интересом к гендерным вопросам, которые рассматриваются в различных науках, в том числе и литературоведении. Литература имеет богатый материал для изучения женско-мужских отношений в культурном и социальном пространствах. Новизна определяется исследованием художественной гендерологии писателя – то есть интереса Достоевского к особенностям женско-мужских отношений, которые проявляются в построении сюжетов, формировании систем образов и сочетаются с идейно-философской направленностью произведения. Цель работы – показать на примере романа «Бесы», наиболее насыщенном идеолого-политической проблематикой, как гендерное трансформируется под влиянием идеологической составляющей. Анализируются отношения в семье Шатовых, в которой и мужчина, и женщина находятся под влиянием определенных *идей*. В ходе анализа необходимо было решить несколько задач: определить характер идей, которые исповедует каждый из героев; проанализировать, как развивается сюжет их семейных взаимоотношений; проследить эволюцию взаимоотношений героев, их освобождение от идеологического бремени и определить, чем обусловлена закономерность трагического финала. Шатовы – пример уникального семейного союза в творчестве Достоевского. В их отношениях гендерологическое сперва было искажено под воздействием идеологизма, а в итоге оба на короткий момент выходят на уровень духовной связи друг с другом, на котором поднимаются над женским и мужским.

Ключевые слова: гендерология, гендерные исследования, тип героя-идеолога, идеологизм, мужское и женское начала, сюжет, эмансипация, нигилизм, женско-мужские отношения, «бесовщина».

Для цитирования: Макаричева Н. А. Иван и Марья Шатовы в романе «Бесы» Достоевского: идеология VS гендерология. *Вестник СВФУ*. 2024, Т. 21, №2. С. 137–143. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-137-143

Ivan and Marya Shatov in the Novel "Demons" by Dostoevsky: Ideology VS Genderology

N. A. Makaricheva

Saint-Petersburg State University of Economics, Russia

✉ 812nataly@mail.ru

Abstract. The relevance of the research topic is related to the modern interest in gender issues, which are being considered in various sciences, including literary studies. Literature provides rich material for the study of male-female relations in cultural and social space. The novelty lies in the study of the writer's artistic genderology, i.e. Dostoevsky's interest in the peculiarities of male-female relations, which are manifested in the construction of plots, the formation of image systems, and are connected with the ideological and philosophical orientation of the work. The aim of the article is to show how gender is transformed under the influence of an ideological component, using the example of the novel "Demons", which is the most saturated with ideological and political issues. The relationship in the Shatov family is analysed, in which both the man and the woman are influenced by certain ideas. During the analysis, several tasks had to be solved: to determine the nature of the ideas that each of the characters professes; to analyse how the plot of their family relationships develops; to trace the

development of the characters' relationships, their liberation from the ideological burden, and to determine what outlines the pattern of the tragic ending. The Shatov family is an example of a unique family unit in Dostoevsky's work. In their relationship, gender was first distorted under the influence of ideologism, and as a result, for a brief moment, both reach the level of spiritual connection with each other, where they rise above the feminine and masculine.

Keywords: genderology, gender studies, type of hero-ideologue, ideologism, masculine and feminine principles, plot, emancipation, nihilism, male-female relations, "devilry".

For citation: Makaricheva NA. Ivan and Marya Shatov in the Novel "Demons" by Dostoevsky: Ideology VS Genderology. *Vestnik of NEFU*. 2024, Vol. 21, No. 2. Pp. 137–143. DOI: 10.25587/2222-5404-2024-21-2-137-143

Введение

В предисловии к книге «Бесы: роман-предупреждение» Л. И. Сараскина писала, что это «самый спорный, самый многострадальный и, по моему убеждению, самый главный роман Достоевского» [1, с. 5]. Этот роман был задуман «как политический памфлет на нигилистов 1860 – начала 1870-х годов, <...> о причинах и истоках русского нигилизма, о взаимоотношениях между представителями различных поколений России...» [2, с. 171–172]. Роман насыщен идеолого-политической проблематикой, не менее сильна и философская составляющая романа. Достоевский ставил целью показать разрушительность нигилизма, которым заболело новое поколение и показать ответственность отцов – либералов-западников – за разгул «бесовщины» в России. Л. И. Сараскина верно заметила, что «вместо политического памфлета Достоевский создает роман-трагедию» [1, с. 47].

Однако интерес к проблеме разрушительной стихии нигилизма не исключает психологического ракурса романа, хотя он является далеко не главным. Вспомогательной можно назвать и тему семейную, поскольку отрицание устоявшихся ценностей неизбежно касается ценностей семьи и любви. Поэтому гендерологическая проблематика, хотя и оказывается на втором плане, неизбежно связана с основной проблемой романа и помогает раскрытию авторского замысла.

С точки зрения С. Р. Охотниковой, «в последние годы в круг наук, связанных с гендерными исследованиями, все активнее вовлекаются не только социальные, философские, экономические науки, но и лингвистика, культурология, а также литературоведение» [3, с. 273]. Актуальность исследования определяется тем, что гендерология как наука, изучающая взаимоотношение полов в социальной жизни, является междисциплинарной, но российское литературоведение включается в поле гендерных исследований довольно медленно по сравнению с другими науками. Однако в русской литературе накоплен богатый материал для исследования в гендерологическом аспекте. Мы будем использовать понятие «художественная гендерология», которое предполагает исследование взаимоотношений полов, соотношения мужского и женского в художественных образах. Именно этим определяется *новизна* исследования, в рамках которого мы выбираем объектом анализа женско-мужские взаимоотношения в семье Шатовых в романе «Бесы». Диалогизм как принцип поэтики Достоевского [4] позволяет раскрыть диалог «мужского и женского» начал, как это предлагает Ю. Кристнева, которая опиралась на концепцию М. Бахтина [5]. Цель нашей работы – показать, как подчинение «идее» девальвирует мужское и женское начала, разрушает традиционные роли мужчины и женщины в социуме, прежде всего в семье, и, по сути, разрушает сам институт семьи. Поэтому в задачи входит, во-первых, определить «идеологическую нагрузку» мужского и женского образа Шатовых; во-вторых, проследить, как идеологический компонент взаимодействует с гендерологическим; 3) проследить эволюцию взаимоотношений героев и определить закономерность финала. Поскольку в литературоведении нет специфических методов гендерного анализа, то для нас продуктивными будут сравнительно-типологический

метод, структурно-семантический и мифологический. Обозначенные методы позволят проанализировать специфику женско-мужских отношений в семье Шатовых, которые раскрываются через психологический сюжет, находят отражение в фабуле семейной истории героев, а также раскрываются через мифо-поэтический контекст.

Противостояние идеологического и гендерологического в отношениях Ивана и Марьи Шатовых

Не все мужские образы романа «Бесы» раскрываются через отношения с женщинами. Например, мы не наблюдаем таких отношений у героев-идеологов Кириллова или Шигалева, а также у являющегося «кровавым организатором» разрушительных бесчинств, одним из «бесов» в романе, Петруши Верховенского.

Однако главный герой Николай Ставрогин во многом раскрывается именно через отношения с женщинами. Шатов как ученик Ставрогина – тоже. Без женщин не может жить и Степан Трофимович Верховенский – представитель старшего поколения и отец – как в биологическом, так и в идеологическом смысле – Петруши Верховенского.

Для нас особый интерес представляет семейство Шатовых – Иван и его жена Марья. Хотя в круг семьи Шатовых следовало бы включить и Дарью Шатову, сестру Ивана, но мы сосредоточимся на отношениях мужа и жены. Именно в семействе Ивана и Марьи наглядно показано противоборство идеологического и гендерологического, нигилистического отрицания и утверждения вечных ценностей.

Николай Ставрогин – главный герой-идеолог романа. Но, в отличие от того же Раскольникова, он сам не увлекается идеей, не порабощается ей, а «заражает» своими идеями других [6]. Шатов и Кириллов подхватывают от него две противоположные идеи – народа-богоносца и человеко-бога. Причем происходит это хронологически одновременно.

Женские образы в романах Достоевского не имеют прямого отношения к идеологической проблематике, они связаны с ней опосредованно. Однако в романе «Бесы» Достоевский изображает женщин, попавших под влияние идей нигилизма и эмансипации. Образ Марьи Шатовой, несмотря на то что большая часть ее судьбы остается за рамками сюжета романа, является в этом отношении очень показательным. К. Джейн, обращаясь к образу Марьи Шатовой, выделяет два принципиально важных момента для адекватного прочтения образа: 1) Марья Шатова относится к типу героинь-нигилисток; 2) это образ эволюционирующий: «Логика этой эволюции позитивная: героиня движется от полного отрицания (притом не только традиционных ценностей, «внешних» по отношению к ней самой, но и собственной женской сущности) к признанию и принятию реальности русской жизни, метафизики человеческих отношений, прежде всего любви» [7, с. 134].

То есть перед нами едва ли не единственный вариант сочетаний мужского и женского персонажей, каждый из которых находится под влиянием какой-то идеи, причем не своей собственной, а полученной «извне».

На наш взгляд, Марью Шатову в первую очередь надо отнести к типу эмансипированных женщин. Именно за это ее уважает Арина Прохоровна Вергинская и называет по имени и отчеству: «Я всегда ценила независимые чувства Марьи Игнатьевны» [8, т. 10, с. 445]¹.

Эмансипация, по художественной логике Достоевского, часто предопределяет трагический сюжет жизни героини. Л. Иригари писала: «Когда женский род требует чего-то, слишком часто это основано на требовании равных прав, и это рискует закончиться уничтожением рода... Но любое действие – ошибка, если самость равна одному, а не двум, если она сводится к одинаковости / тождественности и расщеплению одинаковости, и игнорирует другую как другую» [9, с. 119]. Достоевский не игнорировал проблемы женщин в социуме, наоборот, многие его образы – это отклик на злободневные вопросы, связанные с ролью женщины и ее положением в обществе, но феминизм и эмансипация воспринимались писателем негативно. По мнению Достоевского, эмансипация подавляет многие женские инстинкты, ведет к отказу от традиционно присущих женщине чувств

¹ Далее в тексте статьи ссылки на произведения Достоевского даются с указанием тома и страницы

(сострадания, преданности, любви к ребенку), становится причиной разрыва семейных связей. Поэтому эмансипированные героини, как правило, погибают, отказавшись от традиционных для женщины ролей матери, жены, хранительницы традиций, милосердной спасительницы.

В романе «Братья Карамазовы» такая судьба постигает первую жену Федора Павловича Карамазова Аделаиду, которой «может быть, захотелось заявить женскую самостоятельность, пойти против общественных условий, против деспотизма своего родства и семейства» [8, т. 14, с. 8]. В конце концов она сбежала с учителем-семинаристом от непутевого и развратного мужа, оставив ему трехлетнего сына, в Петербург, «где беззаветно пустилась в самую полную эмансипацию» [8, т. 14, с. 9] и вскоре умерла где-то на чердаке.

Марья Шатова – образ, несомненно, более сложный. История любви и семьи Шатовых написана Достоевским в пронзительно-трагических тонах. Начало семейной жизни как будто не предвещает развития семейных отношений: Шатов женится на «бойкой русской барышне», гувернантке в доме купца, где и он сам служил учителем, а когда «месяца через два купец ее выгнал “за вольные мысли”», то «попелся за нею <...> и вскорости обвенчался с нею в Женеве» [8, т. 10, с. 27]. Вся их семейная жизнь продолжалась очень недолго: «Прожили они вдвоем недели с три, а потом расстались, как вольные и ничем не связанные люди; конечно, тоже и по бедности» [8, т. 10, с. 27].

Достоевский не отрицает социальных причин распада брака – «по бедности». Однако главная причина оказывается в другом: идеологическая зависимость героев неизбежно трансформирует женско-мужские отношения, на которых традиционно держится семья. Трагичным для этой семьи оказывается и встреча со Ставрогиным. Шатов под влиянием Ставрогина «изменил некоторые из прежних социалистических своих убеждений и перескочил в противоположную крайность» [8, т. 10, стр. 27], стал проповедовать идею народа-богоносца. Марья Шатова, как и многие другие женщины, попадает под обаяние Ставрогина и, отстаивая право на «свободные отношения» в русле своих нигилистических убеждений, вступает с ним в интимную связь.

Вернувшись к мужу беременной, Марья проклинает рождение ребенка, потому что он – результат ее эмансипированного поведения. Поэтому отнюдь не случайно ее повитухой становится Арина Прохоровна Виргинская. Она, как и Марья Шатова, – нигилистка, сторонница «разумного эгоизма» и сугубо прагматического подхода, для сторонников которого «сапоги ценнее Пушкина». Поэтому логично, что у одной нигилистки принимает роды такая же нигилистка. Виргинская говорит роженице: «...за успех поручусь; со мной не умрете, не таких выдывала. Да и ребенка хоть завтра же вам отправлю в приют, а потом в деревню на воспитание, тем и дело с концом. А там вы выздоравливаете, принимаетесь за разумный труд и в очень короткий срок вознаграждаете Шатова за помещение и расходы, которые вовсе будут не так велики» [8, т. 10, с. 448]. Ее принципы не включают ни понятия материнской и отцовской любви, ни понятия семьи, ни сострадания, ни душевной связи между мужчиной и женщиной. «Разумный труд», «расходы», «в деревню на воспитание» – этот лексический ряд никак не коррелирует с концептом «семья» в русском языке и русской культуре. И по художественной логике сюжета ни ребенок, ни мать не выживают, хотя Виргинская с медицинской точки зрения сделала все безупречно.

Сцена родов Марьи Шатовой имеет параллели с аналогичными сценами в творчестве Л. Н. Толстого. Во-первых, это роды княгини Болконской в «Войне и мире». Во-вторых, сцена в романе Достоевского предвосхищает описание Л. Толстым в «Анне Карениной» родов Кити и состояния Константина Левина. Для Шатова, как и для толстовских героев, – это переломный момент в жизни мужчины, новый жизненный этап, поскольку в этот момент происходит постижение самой *живой жизни*: «Из комнаты раздались наконец уже не стоны, а ужасные, чисто животные крики, невыносимые, невозможные. Он хотел было заткнуть уши, но не мог и упал на колена, бессознательно повторяя: «Marie, Marie!»

И вот наконец раздался крик, новый крик, от которого Шатов вздрогнул и вскочил с колен, крик младенца, слабый, надтреснутый. Он перекрестился и бросился в комнату» [8, т. 10, с. 451].

Возвращение Марьи и последовавшее рождение ребенка преодолевают все наносное, в том числе искаженные эмансипацией взаимоотношения женщин и мужчин. В сцене важен еще один художественный штрих: Марья Шатова, разрешившись от бремени, еще не вполне придя в себя, «стремительно обхватила его шею, и на лбу своем он почувствовал крепкий, влажный ее поцелуй» [8, т. 10, с. 453]. Это кульминационный момент в их отношениях. Достоевский любил жесты-символы, как, например, поклон Раскольникову Соне Мармеладовой или поклон старца Зосимы Дмитрию Карамазову. Поцелуй Марьи Шатовой – это и примирение, и благодарность, и отказ от своих недавних принципов эмансипированной женщины.

Более того, в момент сопричастности рождению ребенка как будто и другие люди вокруг раскрываются по-другому: и Кириллов, который отдает последние деньги, горячий чайник, еду... И даже Вергинская, готовая идти ночью принимать роды без гарантии вознаграждения. В этот момент Шатов понимает: «Убеждения и человек — это, кажется, две вещи во многом различные» [8, т. 10, с. 446]. Поэтому это тот короткий, но чрезвычайно важный и напряженный момент, когда идеологическое отступает перед *человеческим* и (узко обозначенным нами) *гендерологическим*, является переломным моментом в судьбе Ивана и Марьи, очищая их отношения от всего лишнего. На несколько часов Марья, Иван и их сын становятся настоящей семьей, чье единение происходит на душевном (именно поэтому Мари целует Ивана *в лоб*) и на духовном уровне.

К анализу этой сцены литературоведы обращались много раз и рассматривали ее с различных точек зрения. Очень верно писал В. А. Михнюкевич: «... для понимания идейно-философской концепции и системы образов «Бесов» решающее значение имеют не только тексты Евангелия и Апокалипсиса <...>, но и русский фольклор» [10, с. 136]. Поэтому обращает на себя внимание сочетание имен Иван и Марья, которое не только подчеркивает простонародное происхождение героев, но и отсылает нас к фольклору, к сказкам об Иване и его жене Марье. В романе Достоевского возникает более сложная система образов, связанная с принципом «удвоения». Петр Верховенский называет Ставрогина «Иван-царевич», причем этот «Иван» тоже женат на Марье – Марье Лебядкиной. Но если по закону сказочного сюжета Иван и Марья преодолевают трудности, людскую злобу и зависть, чтобы вернуться домой [11] и навсегда быть вместе, то сюжет в романе «Бесы» совершенно иной. Неслучайно Марья Лебядкина разоблачает Ставрогина и называет «самозванцем», лишает «титула князя»: лже-князь и лже-Иван-Царевич губит и свою жену Марью, и чужую, и ее мужа.

Другое именование Ставрогина – «премудрый змий» заставляет актуализировать еще один контекст восприятия сюжета «Ставрогин – семья Шатовых» – библейский. В Божоявленской улице в нишей комнате рождается младенец. Иван Шатов, как Иосиф, принимает жену свою, беременную Марию. Но беда в том, что ребенок, в отличие от младенца в Евангелии, – от «беса» Ставрогина, и поэтому опять же все обречены на смерть.

В каком бы аспекте мы не анализировали отношения героев, результат один: Ставрогин, герой-идеолог, не знающий границы между великим добром и великим злом, разрушает связи в семье Шатовых, «соблазняя» Ивана идеей, а Марью – играя на ее убеждениях свободной и самостоятельной эмансипированной женщины. С. Белов писал: «Шатова раздавила русская мессианская идея, но тлетворное влияние Ставрогина сказалось в том, что сам носитель этой идеи о русском народе-богоносце, Шатов, не верит в Бога» [12, с. 134].

Да, Иван Шатов и Марья Шатова *были* на пороге новой жизни. Хотелось бы согласиться с К. Джейн, что «таким образом, пройдя линейный путь развития, путь тяжелых испытаний, Марья Шатова приходит к жизненной и духовной полноте существования, блаженству, познает истинное счастье в любви и гармонии, которая

воцаряется вокруг нее, Шатова и новорожденного младенца» [7, с. 133–134]. На наш взгляд, несколько преждевременно говорить о том, что она «познает истинное счастье в любви и гармонии». Мы можем наблюдать лишь недолгое единство семьи на основе не физической, а именно душевной и даже духовной связи, которая подтверждается аллюзиями на библейский сюжет. Но полного освобождения от «идейного бремени», как это, например, было с Раскольниковым, в рамках романного сюжета мы не видим. В паре Раскольников – Соня Мармеладова спасительным стало женское сострадательное, материнское начало, носителем которого была Соня. Неслучайно в ее облике проступают Богородичные черты: на каторге ее именуют *матушка*, к ней ходят как к *целительнице*. В паре Иван и Марья Шатовы спасительным оказывается всепрощающая, милосердная душа мужчины, способного вывести из мрака и спасти женщину-мать. И если в их отношениях гендерологическое сперва отступало под напором идеологизма, то в итоге женско-мужские отношения оказываются преодоленными, когда связь поднимается на духовный уровень. Неслучайно Иван Шатов в художественном плане в некоторых чертах «наследует» князю Мышкину. Более всего это проявляется в отношении к женщине. Любовь-сострадание Мышкина к Мари, а потом и к Настасье Филипповне поднимается над мужской и женской природой, поскольку строится на духовной связи между страдающим и со-страдающим. Шатов не случайно называет жену Marie, а не Марья – она тоже возвращается из-за границы, где они скитались какое-то время, а потом она побывала в Париже и в Швейцарии. Именно в Швейцарии Мышкин рядом с другой несчастной соблазненной, брошенной и погибшей Мари был «счастлив иначе».

Тем не менее трагический финал неизбежен. Если обратиться к романам Достоевского, то можно, образно выражаясь, сказать, что герои «Бесов» живут в реализовавшемся сне Раскольникова о трихинах, которыми заражено человечество. Поэтому важно не только присутствие Ставрогина в судьбе Шатовых, а само порабощение героя или героини разрушительной идеей: «Собственно говоря, бесовщина – это и есть одержимость идеей, отъединяющей человека от реальной, иррациональной жизни» [12, с. 131], то есть от человеческих связей, от любви, привязанности, ответственности друг за друга. И в этом мире, зараженном «трихинами» идеологий, какими, например, был для Достоевского социализм или атеизм, нет возможности сохранить женско-мужские отношения, основанные на любви, верности, взаимном уважении. Союз Ивана и Марьи Шатовых не мог получить развитие в новом качестве, поскольку только гибель героев стала сильнейшим аргументом Достоевского в обвинении «бесовщины» как смертельной болезни времени.

Заключение

В романе «Бесы» Достоевский создает уникальную пару героев – мужа и жену, каждый из которых подвержен разрушительному влиянию идей. Нигилизм Марьи Шатовой, как и неверие в бога проповедника идеи «народа-богоносца» Ивана Шатова трансформируют и искажают женско-мужские отношения, подводя семью почти к распаду. В качестве семьи союз Ивана и Марьи на первом этапе практически не успевает сложиться и социализироваться. Кризисный момент, в который встречаются Иван и Марья Шатовы спустя три года разлуки, вновь выводит их за пределы гендерных отношений в форме традиционной семьи, включающей жену-мать, мужчину-отца и ребенка. Духовный уровень, на которые поднимаются их отношения благодаря уникальной всепрощающей любви Ивана сродни любви князя Мышкина в романе «Идиот». Тем не менее трагический финал закономерен, поскольку является обвинительным приговором «бесовщине», против которой и направлен роман Ф. М. Достоевского.

Л и т е р а т у р а

1. Сараскина, Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение / Л. И. Сараскина. – Москва : Сов. писатель, 1990. – 480 с.
2. Буданова, Н. Ф. Проблема «отцов» и «детей» в романе «Бесы» / Н. Ф. Буданова // Достоевский : Материалы и исследования. – Т. 1. – Ленинград : Наука, 1974. – 351 с.

3. Охотникова, С. Р. Гендерные исследования в литературоведении : проблемы гендерной поэтики / С. Р. Охотникова // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе. Ч. 2. – Иваново, 2002. – С. 273–274.
4. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Собрание сочинений в 7 томах. Т. 6. – Москва : Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – С. 5–300.
5. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог, роман / Ю. Кристева // Вестник Московского университета. – 1995. – № 1. – С. 197–124.
6. Бердяев, Н. А. Ставрогин / Н.А. Бердяев // «Властитель дум» : Достоевский в русской критике конца XIX–начала XX века. – Санкт-Петербург : Худ. литер, 1997. – С. 332–342.
7. К. Джейн. Марья Шатова как тип героини-«нигилистки» в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» : проблемы эволюции / Джейн К. // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. – 2022. – № 1. – С. 130–135.
8. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград : Наука, 1972–1990.
9. Аристархова, И. Л. «Этика полового различия» в концепции Люси Иригари / И. Л. Аристархова // Социологический журнал. – 1998. – № 3/4. – С. 191–200.
10. Михнюкевич, В. А. Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского / В. А. Михнюкевич. – Челябинск, 1994. – 320 с.
11. Орлова, С. А. Мифо-фольклорный мотив дома в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» / С. А. Орлова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. – № 43(181). Филология. Искусствоведение. – Вып. 39. – С. 103–112.
12. Белов, С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» : некоторые аспекты восприятия / С. В. Белов // Вестник СПбГУКИ. – 2013 – № 4(17). – С. 130–136.

References

1. Saraskina LI. "Demons": a novel-warning. Moscow: Soviet writer, 1990:480.
2. Budanova NF. The problem of "fathers" and "children" in the novel "Demons". Dostoevsky: Materials and Studies. Leningrad: Nauka, 1974;1:351.
3. Okhotnikova SR. Gender studies in literary studies: problems of gender poetics. Gender studies and gender education in higher school. Ivanovo, 2002;(2):273-274.
4. Bakhtin MM. Problems of Dostoevsky's poetics. Collected Works in 7 volumes. Moscow: Russian Dictionaries; Languages of Slavic Culture, 2002;6:5-300.
5. Kristeva Y. Bakhtin, word, dialogue, novel. Bulletin of Moscow University, 1995;(1):197-124.
6. Berdyaev NA. Stavrogin. "Ruler of Dumas": Dostoevsky in Russian criticism of the end of 19th-beginning of 20th century. St. Petersburg: Khud. lit. 1997:332-342.
7. Jane K. Marya Shatova as a type of heroine-"nihilist" in F. M. Dostoevsky's novel "Demons": problems of evolution. Vestnik of the State Humanitarian-Technological University, 2022;(1):130-135.
8. Dostoevsky FM. Complete Works in 30 vol. Leningrad: Nauka, 1972-1990.
9. Aristarkhova IL. "Ethics of Sex Difference" in the Concept of Lucy Irigari. Sociological Journal, 1998;(3/4):191-200.
10. Mikhnyukevich VA. Russian folklore in the artistic system of F. M. Dostoevsky. Chelyabinsk, 1994:320.
11. Orlova SA. Mytho-folklore motif of the house in F. M. Dostoevsky's novel "Demons". Bulletin of Chelyabinsk State University: Philology. Art. History. 2009;39(43(181)):103-112.
12. Belov SV. F.M. Dostoevsky's novel "Demons": some aspects of perception. Vestnik of SPbSUKI, 2013;(4(17)):130-136.

МАКАРИЧЕВА Наталья Александровна – д. филол. н., доцент, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

E-mail: 812nataly@mail.ru

Natalya A. MAKARICHEVA – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics.